

Но сейчас? Он явно принял его за кого-то другого, а может, просто напился и случайно затащил кого-то в постель. Что за дела!

Ло Инбай был человеком мягким и редко сердился, но на этот раз он действительно разозлился. Сделав несколько глубоких вдохов, он всё же не смог сказать Ся Сяньнину ничего резкого, лишь вздохнул:

— Ты совсем запутался, оправдание просто замечательное. Даже меня смог перепутать. Ладно, теперь ты протрезвел, призрака поймал, пора уходить.

Он не сказал ни одного грубого слова, но Ся Сяньнин, с детства знавший Ло Инбая, никогда не слышал от него такого тона. Это чувство было таким, будто они собираются разорвать все связи. Ся Сяньнин, почувствовав беспокойство, вдруг опустился на колени.

Ло Инбай не мог с ним справиться и в гневе произнёс:

— Что ты вообще делаешь?

— Я... провинился перед старшим братом, это моя вина. Ты можешь делать со мной что угодно. Ты имеешь полное право злиться, — ответил Ся Сяньнин.

Их школа фэншуй строго соблюдала древние традиции, иерархия и старшинство были важны. Хотя Ся Сяньнин был младшим братом Ло Инбая, они выросли вместе, их семьи и возраст были равны, и он впервые говорил такие слова.

Ло Инбай сказал:

— Когда я сказал, что злюсь? Зачем мне злиться?

Он был так раздражён этим неуклюжим поведением Ся Сяньнина, что с силой нажал на виски и продолжил:

— Ты посмотри внимательно, я не женщина, несколько поцелуев не оторвут от меня кусок мяса, зачем так себя вести? Ты действительно меня достал! Ладно, хочешь стоять на коленях — стой, мне всё равно!

Сказав это, он сбросил одеяло и встал, направляясь к выходу. Ся Сяньнин, хотя и не хотел сейчас его беспокоить, не смог удержаться:

— Ты... не одет, надень мою одежду, хорошо?

— Нет, мне и так прохладно! — громко ответил Ло Инбай.

Несмотря на слова, он подошёл к шкафу, достал халат, предоставленный отелом, и накинул его на себя. Пока он одевался, Ся Сяньнин заметил на длинной шее Ло Инбая несколько красных

следов. Он испугался, но, присмотревшись, понял, что это не его рук дело, а следы от раздавленного сока роз.

Ло Инбай больше не оглядывался, открыл дверь и вышел. В комнате оставалось тепло после недавней страсти и смятения, а также лёгкий аромат цветов. Свет был приглушённым, атмосфера холодной.

Ся Сяньнин оставался на коленях, поднял с пола раздавленный лепесток розы и тихо вздохнул. Теперь он уже не нервничал, в его сердце медленно зарождалось чувство облегчения — раз Ло Инбай уже так разозлён, хуже не будет, и он мог бы просто всё сказать.

Да, встать и сказать старшему брату, что, независимо от того, пил он или нет, его чувства всегда были неизменны — он хотел его. Пусть делает с ним что хочет! Теперь, когда он уже поцеловал его, смерть была бы достойной!

Ся Сяньнин подбадривал себя, собираясь встать, но, прежде чем он успел это сделать, дверь комнаты с грохотом открылась, и Ло Инбай снова вошёл.

Ся Сяньнин, едва поднявшийся с колен, снова опустился.

Ло Инбай подошёл к нему, полный раздражения и гнева, схватил Ся Сяньнина и потянул вверх:

— Вставай, кто тебе велел стоять на коленях? Тебе так нравится эта комната, что не хочешь уходить?

Ло Инбай вздохнул, смягчив тон:

— Я действительно не сержусь на тебя, это не так серьёзно, стоять на коленях вредно для коленей, вставай.

С детства было так, он никогда не мог долго сердиться на Ся Сяньнина, видя его на коленях, его сердце сжималось сильнее всего. Ся Сяньнин тоже это понимал, и внезапно нахлынувшая благодарность, как игла, проколола его едва набранную смелость — раз он не был разбитым сосудом, он не мог его разбить.

Ноги Ся Сяньнина слегка онемели, он поднялся с помощью Ло Инбая, случайно опёршись рукой на стул рядом. Но комната, видимо, была полна сюрпризов — не только кровать постоянно тряслась, но и стул был ненадёжным. Как только он на него надавил, спинка стула откинулась назад.

Ся Сяньнин не удержался, споткнулся и снова опустился на одно колено. Жёлтый талисман, которым он только что поймал призрака, выпал из его кармана, взорвался в воздухе, и комната мгновенно наполнилась зловещей аурой.

Это был первый раз, когда Ся Сяньнин допустил ошибку, конечно, из-за того, что был слишком взволнован и не убрал талисман должным образом.

Ло Инбай бросил на него бессмысленный взгляд, достал бутылку запечатывания души и снова поймал Девушку-костяного монстра, которая чуть не сбежала.

Затем дверь комнаты с грохотом распахнулась, и несколько человек из Отдела особых расследований ворвались внутрь.

Они издалека наблюдали, как Ся Сяньнин и Ло Инбай поднялись наверх, затем вышли из машины и вошли в отель, сели внизу и ждали. Они думали, что, обладая такими способностями, если они привлекут Девушку-костяного монстра, то сразу же её поймут, а если нет — спустятся вниз и придумают другой план. В любом случае, это не должно было занять много времени.

Но ждали-ждали, а их всё не было. Они начали беспокоиться, но, обойдя задний вход и поднявшись наверх, они как раз обсуждали, стоит ли постучаться и спросить, как почувствовали всплеск зловещей ауры внутри. Не раздумывая, они ворвались внутрь.

Но, войдя, Гоу Сунцзэ чуть не побежал прочь — хотя он знал, что это за комната, и раньше здесь проводил расследования... но именно поэтому это было так страшно!

Потому что Гоу Сунцзэ обнаружил, что многие вещи в комнате были сдвинуты!

Кровать с вибрацией была включена, кресло для утех лежало на полу, тщательно выбранный им парик и платье для двоюродного брата были брошены на пол, а сам Ло Инбай был завёрнут в халат, на его белоснежной коже виднелись подозрительные красные следы... Ся Сяньнин, обычно герой, который не гнётся даже перед кровью, стоял перед ним на коленях.

Гоу Сунцзэ поклялся, что если он снова когда-нибудь бездумно откроет дверь, то отрубит себе руку! Почему каждый раз, когда он открывает дверь, он видит такие сцены?

...Но что же всё-таки произошло?

Все смотрели с разными выражениями лица, любопытство и страх читались в их глазах, что делало их ещё более подозрительными. Ся Сяньнин застыл, затем встал с колен.

Гоу Сунцзэ спросил:

— Призрака... призрака вы поймали?

— Поймали, поймали! — раздражённо ответил Ло Инбай.

Гоу Сунцзэ хотел спросить, не пожертвовал ли он собой, но, увидев рядом Ся Сяньнина, не посмел, лишь сухо улыбнулся и сказал:

— Ну и хорошо, хорошо, мы просто волновались, что вы попали в беду, но раз всё в порядке...

Его взгляд скользнул по Ло Инбаю, и он не был уверен, подходит ли это слово, сделав паузу, продолжил:

— Всё в порядке, и это главное.

Юэ Лин не поднялась наверх, и Ло Инбай не стал сдерживаться:

— Спасибо за заботу, действительно всё в порядке. Ты, бездельник, даже призрака не смог привлечь.

Гоу Сунцзэ успокоил его:

— Да, да, я не такой красивый, как ты... Твоя одежда в машине, я... принесу её?

Ло Инбай чувствовал себя неловко, поднял кресло, которое опрокинул Ся Сяньнин, и собирался сесть, но, увидев, что кровать всё ещё дрожит, решил сесть на стул. Но, когда он уже собирался сесть, обнаружил, что стул тоже ненадёжный, и в гневе воскликнул:

— Что это за хлам!

Гоу Сунцзэ не мог больше смотреть, закрыл лицо рукой и сказал:

— Этот стул... тебе нельзя на него садиться! Ладно, я выключу кровать... Что вы вообще делали в этой комнате?

Он понял, что слишком много думал. Судя по тому, как Ло Инбай ничего не понимает, даже если его запереть с Ся Сяньнином, или даже с сотней красавиц, он, вероятно, останется невозмутимым — он просто не знает, как потерять контроль.

Гоу Сунцзэ впервые в жизни почувствовал себя грязным и глубоко устыдился этого.

Он сказал:

— Я принесу одежду.

Помолчав, добавил:

— Это номер для пар, понимаешь? Нельзя просто так играть с вещами, лучше прочитай инструкцию... Ты просто позоришься!

Даосская практика требует воздержания, и Ло Чжао строго следил за этим, поэтому они действительно мало что знали об этом. Когда Гоу Сунцзэ это сказал, это задело не только Ло Инбая, но и Ся Сяньнина, который тоже оказался под ударом.

<http://bllate.org/book/15511/1396175>